

О МЕХАНИЗМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ МЕНТАЛЬНОЙ СИСТЕМНОСТИ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЙ СОГЛАСОВАННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ И МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СИТУАЦИИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Кабалоева Л.Б.

ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова», Владикавказ, Россия (362025, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44-46), e-mail: nosu@nosu.ru

В статье рассматриваются теоретические подходы к описанию механизма этнокультурной ментальной системности, регулирующего согласованное взаимодействие языковых и мыслительных процессов в ситуации речевого общения. Под этнокультурной ментальной системностью в настоящей работе понимается подчинённость языковых и мыслительных процессов национальным концептуальным системам, определяющих национальную специфику всего процесса порождения речи, начиная с замысла и завершая способами «овнешнения» мысли. В статье приводятся доводы в пользу того, что механизм этнокультурной ментальной системности генетически восходит к процессам формирования национальной концептосферы и языка как средства осуществления речевого общения. В работе сделан вывод о том, что мыслительные категории, а также внутренние этнокультурные способы формирования мысли являются *имманентными* концептуальным знаниям представителей данной этнокультурной общности, равно как и внешние этнокультурные способы выражения мысли *имманентными* не только структурным особенностям соответствующих языков, но, в первую очередь, концептуальным системам их носителей.

Ключевые слова: язык, мышление, этнокультурная ментальная системность, форма языка, внутренний этнокультурный способ формирования мысли

ON MECHANISM OF ETHNOCULTURAL MENTAL SYSTEMACY CONTRIBUTING TO CONSISTENT INTERACTION OF LANGUAGE AND MENTAL PROCESSES IN SITUATIONS OF SPEECH COMMUNICATION

Kabaloeva L.B.

«North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov», Vladikavkaz, Russia (Vatutina Street, 44-46, Vladikavkaz 362025, Russian Federation), e-mail: nosu@nosu.ru

This article dwells upon theoretical approaches to description of mechanisms of ethnocultural mental systemacy regulating consistent interaction of language and mental processes in a speech communication situation. Ethnocultural mental systemacy is understood as subordination of language and mental processes to national conceptual systems defining national specificity of speech generation process starting with intent and ending with the ways of external expression of a thought. This article presents arguments that the mechanism of ethnocultural mental systemacy genetically go to processes relevant to formation of national sphere of concepts and language as a means of speech communication. This article concludes that mental categories as well as internal ethnocultural ways of formation of thought are immanent conceptual knowledge of representatives of a given ethnocultural community as well as external ways of expressing thoughts immanent not only to structural peculiarities of corresponding language systems but, in the first place, to conceptual systems of native speakers.

Keywords: language, thinking, ethnocultural mental systemacy, form of a language, internal ethnocultural way of formation of thought

Наблюдаемый в последние годы интерес к этнокультурному сознанию способствовал накоплению значительного объёма знаний о его содержании и характере функционирования, осмысление которых привело к пониманию необходимости пересмотра моделей процессов порождения речи из-за отсутствия в них указания на ряд механизмов [9, с. 8]. К таким механизмам представляется необходимым отнести также механизм этнокультурной ментальной системности, под которой в настоящей работе понимается подчинённость языковых и мыслительных процессов национальным концептуальным системам,

определяющих национальную специфику всего процесса порождения речи, начиная с замысла и завершая способами «овнешнения» мысли. Таким образом, механизм этнокультурной ментальной системности строится на отношениях между языковыми и мыслительными процессами и национальными концептуальными системами. С одной стороны, данный механизм охватывает языковые аспекты, т.е. способы внешнего выражения мысли, с другой, регулирует содержательный аспект порождения речевого высказывания, т.е. довербальные уровни процессов формирования мысли.

Несмотря на то, что язык и мышление рассматриваются в современной психолингвистике и когнитивной лингвистике как автономные процессы их связь и взаимодействие в процессах речевого общения не вызывает споров, ввиду «явной очевидности». В связи с этим возникает вопрос о генезисе формирования отношений языка и мышления.

Целью настоящей статьи является описание теоретических подходов к рассмотрению генезиса формирования связей языка и мышления, регулирующих согласованное взаимодействие языковых и мыслительных процессов в ситуации речевого общения.

Язык и мышление в речевом общении

В современной психолингвистической интерпретации рассуждения о сути языка и мышления, а также их взаимоотношений и роли в осуществлении речевого общения основываются на реальных функциях языка и мышления в тех деятельности, в которых они задействованы. При этом исследователями выделяются следующие языковые функции: 1) язык как средство организации старых знаний для получения новых знаний в процессах категоризации поступающей в мозг человека информации в процессах перцептивной деятельности субъекта, а также 2) как средство описания культурных предметов в процессах речевого общения [10, с. 52]. В том и другом случае язык не является средством мышления, а является лишь средством активизации концептуальных структур сознания для осуществления мыслительных действий. В то время как мышление в процессах осуществления речевого общения имеет более широкие, чем язык, функции, так как участвует как в отборе языковых средств, так и в отборе содержаний сознания для совершения мыслительных действий, ср.: «... его (мышление – Л.К.) следует рассматривать как деятельность конструирования, посредством которой производится отбор, как содержания, так и языковых средств ...» [2, с. 27, 28].

Таким образом, мышление отвечает за принятие решений, как при отборе языковых средств, так и при отборе содержаний сознания, в процессе которого (отбора) происходит формирование мысли как отражения связей и отношений между обсуждаемыми в общении фрагментами реальности. В первом случае, мышление выступает в качестве

общефункционального механизма, обеспечивающего языковые процессы, и может оцениваться по шкале «правильно» - «неправильно», что контролируется фиксированными в языке правилами. Во втором случае (при отборе субъектом релевантных данной социально-речевой ситуации содержаний сознания) мышление как процесс отражения субъектом общения как представителем данной этнокультурной общности связей и отношений между обсуждаемыми в общении предметами и явлениями действительности оценивается по шкале - «соответствует содержаниям, хранящимся в этнокультурной памяти - не соответствует содержаниям, хранящимся в этнокультурной памяти» и контролируется внутренним этнокультурным способом формирования мысли, под которым нами понимается «*внутриречевое* воплощение мысли посредством активизации релевантных данной социально-речевой ситуации фрагментов национальных концептов» [3, с.308]. Таким образом, при выполнении своих функций мышление имеет свои точки отсчёта как при отборе языковых средств в виде лексических и грамматических правил их использования, так и при отборе содержаний сознания, который определяется внутренним этнокультурным способом формирования мысли, регулирующим не только отбор содержаний, но и выстраивающий их в определённую конфигурацию сообразно этнокультурным содержаниям составляющих её элементов. Для нормального функционирования всех этих процессов необходим механизм, обеспечивающий их согласованное взаимодействие.

В своё время В. Гумбольдтом на примере лексики был описан механизм формирования связи языковых единиц с мыслительными категориями. Так по В.Гумбольдту, становление слова есть результат взаимодействия двух событий: 1) акт «обозначения понятия» и 2) «особая работа духа, переводящая понятие в определённую категорию мышления или речи ...». [1, с. 118].

В свою очередь Ж. Пиаже указывает на то, что процесс усвоения языка ребёнком совпадает с развитием способности ребёнка дифференцировать «обозначаемое» и «обозначающее». Как формулирует Ж. Пиаже «... рождающееся мышление, продолжая сенсо-моторный интеллект, вытекает из дифференцировки обозначающих и обозначаемых ...» [7, с. 180]. Т.е. ко времени начала освоения языка ребёнок уже владеет тем, что можно было бы обозначить знаком и что Ж. Пиаже называет «Предпонятием» [7, с. 181], которое ещё не понятие, но которое указывает на зачатки «зарождающегося» понятийного мышления.

Приведённые выше высказывания констатируют, во-первых, ведущую роль мышления в тандеме «язык-мышление», во-вторых, изначальную подчинённость языкового знака уровню мыслительных категорий. В этом смысле существует сформированная естественным образом в процессах онтогенетического развития прилаженность

специфической системности каждого языка к категориальному аппарату его носителей, а не наоборот прилаженность категориального аппарата к языку, как это полагали сторонники гипотезы лингвистической относительности.

Системность языка в обсуждаемом контексте мы понимаем, вслед за В.Гумбольдтом, как форму языка, рассматриваемую как результат психической деятельности народа (по В. Гумбольдту – «деятельности духа народа»), который выражается, как формулирует В.Гумбольдт, в постоянном и единообразном «... в этой деятельности духа ... взятое во всей совокупности своих связей и систематичности ...», что и составляет по В.Гумбольдту «форму языка» [1, с. 71]. Таким образом, форма языка порождается и формируется психическими, в первую очередь, интеллектуальными усилиями его носителей.

А.А.Леонтьев, рассматривая понятие системности языка отмечает, что «Реальная системность языка – это не внутренняя планировка того склада, где хранятся единицы языка, а *взаимосвязь и организация* этих единиц ...» (курсив наш – Л.К.) [8, с. 7]. Другими словами, системность языка – это знания, хранящиеся в памяти человека и представляющие собой некий обобщенный уровень реальной организации работы реальных языковых структур. Это также те элементы знания о языке (схемы «построения предложений и текста», «схемы «реализаций пропозиций» и т.д.), которые когнитивная лингвистика относит к ментальным репрезентациям [5, с.99] и наличие которых подчёркивает динамический, деятельностный характер существования языка. Вследствие этого знания о языке хранятся как память о совершённых человеком действиях посредством языковых знаков, что следует из того, что знания о языке как системе приобретаются субъектом в процессах пользования языком, т.е. в действии, в динамике, а, следовательно, в формирующейся в процессах речевого общения этнокультурной ментальной системности отражается не только «взаимосвязь и организация» языковых единиц в виде ментальной репрезентации обобщенного знания о языке, но также корреляции языковых единиц с этнокультурными знаниями, с национальной концептосферой в целом, в том числе, с её категориальным уровнем. При этом корреляции (знания), формируемые именно в действии, в динамике обуславливают динамический характер связей языка с мыслительными категориями, выражающегося в том, что мыслительные категории получают способность актуализироваться при активизации языковых знаков, равно как и языковые знаки актуализируются при активизации мыслительных категорий. Таким способом формируются и реализуются отношения между языковыми и мыслительными структурами.

При этом формируемая в онтогенезе категориальная система представителей той или иной культуры, хотя и коррелирует с системностью данного языка и связана с языковыми знаками через их содержания, является, тем не менее, аппаратом мышления, которое в

соответствии с современными научными представлениями носит невербальный характер и осуществляется посредством единиц мышления концептов, в которых генерируется невербализованный опыт представителей этнокультурной общности.

Таким образом, реально функционирующие в человеческом сознании мыслительные категории соотносятся, с одной стороны, с формой данного языка, т.е. с системностью, как совокупностью всех связей данного языка. С другой стороны, мыслительные категории существуют не сами по себе, а составляют категориальные уровни национальных концептов, фрагменты которых, как отмечалось выше, определяют этнокультурные способы формирования мысли об обсуждаемых в данных социально-речевых ситуациях фрагментах реальности.

Перечисленные выше обстоятельства становятся той платформой, на которой базируются механизмы этнокультурной ментальной системности, регулирующие согласованное взаимодействие языковых и мыслительных процессов, позволяющие продуцировать мысли, адекватные этнокультурным смыслам представителей данных этнокультурных общностей.

Заключение

Вышеизложенное позволяет считать мыслительные категории, а также внутренние этнокультурные способы формирования мысли *имманентными* концептуальным знаниям представителей данной этнокультурной общности, равно как и внешние этнокультурные способы выражения мысли, *имманентными* не только структурным особенностям соответствующих языковых систем, но, в первую очередь, концептуальным структурам носителей языков, ср.: «...значения слов представляют собой сложные образования, на структуру которых спроецированы связи и отношения концептуальных систем сознания» [6, с. 26], что означает, что все уровни процесса порождения речи объединяет *единая этнокультурная ментальная системность*, которая естественным образом формируется в процессах жизнедеятельности человека и генетически восходит к процессам становления национальной концептосферы в целом, в том числе к процессам формирования категориальной системы, а также языковой системы как средства осуществления речевого общения. Таким образом, этнокультурная ментальная системность выражается в подчинённости всех языковых и мыслительных процессов национальным концептуальным знаниям, которые, как известно, не совпадают у представителей разных этнокультурных общностей, что и определяет национальную специфику всего процесса порождения мысли, начиная с замысла и завершая этнокультурными способами её объективации. Именно в этом проявляется суть внутренней этнокультурной ментальной системности, которой подчиняются как форма языка, находящая выражение в национально-культурных

вербальных способах объективации мысли, так и национальный характер мышления, находящий выражение во внутреннем этнокультурном способе формирования мысли, в котором «...реализуются идиоэтнические особенности невербального мышления представителей этнокультурных общностей» [4, с.131].

При этом языковые процессы, реализующие форму языка, проявляющуюся во внешних способах выражения мысли, обеспечиваются посредством мышления, выступающего не только в качестве механизма поиска необходимых для «овнешнения» мысли языковых средств, но и в качестве механизма отражения этнокультурного опыта субъектов общения в порождаемых ими в процессах речевого общения национальных смыслах. В свою очередь, внутренний этнокультурный способ формирования мысли, являясь внутриречевым осуществлением мысли и, таким образом, контролирующей этнокультурную адекватность отбираемых содержаний этнокультурного сознания сообразно национальным смыслам, является, во-первых, конкретной реализацией этнокультурного мышления как отражения предметов и явлений действительности в их связях и отношениях субъектом общения как представителем данной этнокультуры, во-вторых, обеспеченным мыслительной способностью человека *механизмом осуществления* единой этнокультурной ментальной системности в процессах порождения речи.

В представленном выше контексте реализацию внутренних этнокультурных способов формирования, а также вербального выражения мысли в процессах речевого общения следует рассматривать как обусловленный единой этнокультурной ментальной системностью процесс порождения мысли, цель которого регуляция поведения участников общения сообразно заложенным в мысли этнокультурным знаниям.

Несовпадающие концептуальные знания о мире, фиксированные, на категориальном уровне национальной концептосферы, обуславливают наблюдаемые в разных культурах, различающиеся между собой типы поведения носителей данных культур, проявляемые в разных сферах их жизнедеятельности. Так, например, в осетинской культуре не принято сидеть при свёкре, и положено вставать при его появлении, что является выражением уважения к отцу мужа со стороны невестки и является одним из компонентов культивируемых содержаний социальных женских ролей, как в осетинской, так и в культурах других народов, проживающих на Кавказе. Поэтому, к примеру, в основе фразы «Молодая невестка при виде свёкра встала» заложены разные знания и смыслы в зависимости от того, представителем какой культуры, к примеру, кавказской или западно-европейской, являются продуцент и реципиент данной фразы, так как представители названных культур обладают разными концептуальными знаниями об отношениях в семье.

Таким образом, генерирующая социальный и индивидуальный опыт представителей данной этнокультурной общности национальная концептосфера, как средство осуществления мыслительных процессов и как фактор, определяющий внутренние этнокультурные способы формирования мысли в ситуации речевого общения, задаёт вектор развития мысли об обсуждаемых в речевом общении фрагментах реальности на всех этапах её становления, как на стадии формирования, так и на стадии её формулирования, в чём выражается этнокультурная ментальная системность, формирующаяся в процессах речевого общения и регулирующая согласованное взаимодействие языковых и мыслительных процессов, с целью порождения адекватных этнокультурным содержаниям национальной концептосферы смыслам.

Список литературы

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
2. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26-38.
3. Кабалоева Л.Б. К вопросу о факторах, определяющих внутренние этнокультурные способы формирования мысли // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л.Хетагурова. «Общественные науки». – 2012. – № 2. – С. 307-309.
4. Кабалоева Л.Б. К вопросу о формировании механизмов, контролирующих этнокультурную «адекватность» порождаемых смыслов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 4 (041). – С. 127-132.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
6. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика): Учеб.пособие. – М.: Высшая школа, 1983. – 127 с.
7. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. – М., «Просвещение», 1969. – 659 с.
8. Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. Перевод с английского Е.И. Негневицкой / Под общей редакцией и с предисловием доктора филологических наук А.А.Леонтьева. – М.: Прогресс, 1976. – 336 с.
9. Сорокин Ю.А. Культурология и психолингвистика: цели и методы // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 3. – С.8-11.
10. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Язык как средство трансляции культуры. – М.:Наука, 2000. – С. 45-53.

Рецензенты:

Камболов Т.Т., д.фил.н., профессор, первый проректор по научной работе и развитию, ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова», г.Владикавказ.

Древа Д.М., д.фил.н., доцент, доцент кафедры немецкого языка, ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова», г.Владикавказ.